

ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ РОССИЙСКО-ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ДЕЛОВЫХ СВЯЗЕЙ. АЛЛАН БОУ, КОМПАНЬОН ФАБЕРЖЕ¹

© 2020 Б.М. Горелик

ГОРЕЛИК Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru

***Аннотация.** Имя Аллана Боу не упоминается в публикациях по истории ранних российско-южноафриканских связей. Деятельность многолетнего компаньона Карла Фаберже должна привлечь внимание историков в первую очередь потому, что она приходится на период, когда между Россией и территориями, ныне входящими в ЮАР, по-видимому, отсутствовали торговые отношения. В статье проанализирован значительный вклад Боу в становление крупнейшей ювелирной фирмы Российской Империи. Он, возможно, является первым предпринимателем с юга Африки, долго и плодотворно работавшим в России. Можно предположить, что южноафриканские деловые связи с Россией начали устанавливаться не позднее 1880-х гг., когда Боу приступил к предпринимательской деятельности в Москве.*

***Ключевые слова:** российско-южноафриканская торговля, история южноафриканского предпринимательства в России, Аллан Боу, Карл Фаберже, В.А. Болин, Шанкс и Болин, ювелирные дома Российской Империи*

DOI: 10.31132 / 2412-5717-2020-53-4-129-141

У истоков южноафриканского бизнеса в России

Вопрос об установлении первых контактов между предпринимателями в России и на Юге Африки, а также о характере и особенностях ранней российско-южноафриканской торговли остается открытым.

Опубликованы лишь отрывочные сведения об импортно-экспортных операциях между компаниями в Российской Империи и их партнерами на территориях, ныне входящих в Южно-Африканскую Республику, относящиеся к самому началу XX в. Российские товары поставлялись на юг Африки во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. через Великобританию [1, с. 37]. Уже в составе Британской Империи Капская колония и Трансвааль приобрели в России лес, текстиль и железнодорожные рельсы. Установлено также, что возникновение торговых отношений между Россией (СССР) и Южно-Аф-

---

¹ Автор благодарит за помощь в работе над статьей В.В. Скурлова (Россия), У. Бонус (Канада) и Г. Робертса (Великобритания).

риканским Союзом на государственном уровне началось лишь в середине 1920-х годов [2, т. II, с. 86–90]. Но до сих пор не известно, осуществлялись ли прямые поставки товаров между нынешними территориями России и ЮАР в более ранний период. Так, по данным отечественного министерства финансов за 1897 г., Российская Империя не имела «никаких торговых отношений» с Южно-Африканской Республикой (Трансваалем) [2, т. I, с. 74]. Данных о торговле Капской колонии с Россией за период до XX в., по-видимому, еще не выявлено.

Что касается частных лиц, занимавшихся предпринимательством, то самые ранние опубликованные сведения о них относятся к первым десятилетиям существования Капской колонии. Например, в 1692 г. из России в Капскую колонию эмигрировал Й. Свелленгребель, представитель голландской семьи, занимавшейся импортом европейского оружия и других необходимых российскому государству товаров через Архангельск [3, с. 12; 4, с. 16]. Свелленгребель, родившийся и выросший в Москве, нажил на юге Африки состояние, в том числе благодаря виноделию и сельскому хозяйству. Его старший сын, Хендрик, стал единственным уроженцем Капской колонии, назначенным ее губернатором.

Возможно, первым южноафриканским предпринимателем, долго и плодотворно работавшим в России, был Аллан Боу. Многолетний компаньон Карла Густавовича Фаберже и совладелец московского филиала петербургской фирмы, Боу создал самую крупную фабрику по производству ювелирных и серебряных изделий в стране, а также основал лондонское представительство «К. Фаберже» как центр ее экспортных операций.

По-видимому, имя Боу еще не упоминалось в литературе по истории российско-южноафриканских экономических связей. Даже в статьях и монографиях о Фаберже Боу появляется лишь как эпизодическая фигура. До сих пор не предпринималось попытки проанализировать его вклад в развитие самой крупной и знаменитой ювелирной фирмы Российской Империи конца XIX–начала XX веков. Возможно, это объясняется тем, что многолетнее сотрудничество Боу и Фаберже окончилось полным разрывом и судебными тяжбами. Компаньон, которого Фаберже обвинял в предательстве, вряд ли мог занять важное место в «официальной» истории фирмы. У современных исследователей есть возможность изучить его роль в становлении «К. Фаберже» благодаря недавно обнаруженным материалам.

Для историков-африканистов интересно, каким образом молодой человек, выросший на севере Капской провинции, вдали от центров европейской культуры, связал свою жизнь с Россией и преуспел в деле, которое требовало понимания вкусов русских потребителей и поддержания связей с элитой русского, а затем и британского общества. Чтобы ответить на этот вопрос надо проанализировать сотрудничество Боу, сына врача из Намакваленда, с Фаберже, потомком гугенотов из Петербурга.

Первые исторические статьи, посвященные Боу, вышли в свет в Южной Африке. В конце 1960-х появились публикации о предках Боу и южноафриканском периоде его жизни [5; 6]. Обширный материал содержится в биографии, написанной правнучкой Боу на основе воспоминаний и дневников его дочери [7]. Наиболее полно конфликт между Боу и Фаберже освещен в монографии о деятельности фирмы «К. Фаберже» в Великобритании [8]. При работе над данной статьей изучены эти публикации, а также сведения о Боу в отечественной и зарубежной литературе по истории фирм «К. Фаберже», «В.А. Болин» и «Шанкс и Болин». Также использовались письма Боу 1905–1909 гг., сохранившиеся в «Сборном личном фонде» Российского государственного архива древних актов. Дополнительные данные получены автором от специалистов по истории семей Боу, Шанкс и фирмы Фаберже.

Из Намакваленда в Москву

Генри Аллан Талбот Боу, известный в России как Аллан Андреевич Бо, может по праву считаться южноафриканцем. Он родился, провел детство и юность в Капской колонии. Почти все это время он прожил в регионе, где преобладало население, для которого родным был не английский, а языки, зародившиеся в Африке.

Его отец, член Королевской коллегии хирургов, переехал в Капскую колонию с женой и дочерью, следуя по стопам старших братьев. Богатые золотые и алмазные месторождения на юге Африки еще не были обнаружены, поэтому этот регион еще не стал важным направлением для мигрантов из Европы. В семье Боу бытует мнение, что родители Аллана эмигрировали туда ради благоприятного климата, из-за проблем со здоровьем [7, с. 10–11].

А. Боу родился в 1856 г. в Каледоне, к востоку от Кейптауна, где братья отца занимались сельским хозяйством [5, с. 255]. Но уже через пару лет семья переехала в Намакваленд, к северной границе колонии. Большинство местных жителей составляли не англоязычные поселенцы, а представители койсанских народов и их потомки. В этом засушливом и малонаселенном краю, откуда до столицы колонии добирались больше недели, отец Аллана, бывший лондонский врач, занял должность окружного хирурга.

Семья обосновалась в Спрингбокфонтейне (ныне город Спрингбок), основанном незадолго до их прибытия как поселок для сотрудников медного рудника. Там родились братья Аллана, Артур и Чарлз, которые станут его коллегами и единомышленниками в деловых начинаниях в России. Отцу часто приходилось разъезжать по огромному округу, навещая больных. Посещал он и новый поселок, образовавшийся вокруг голландской реформатской церкви в семидесяти километрах к югу от Спирингбока. Его пациенты и их семьи решили назвать свой поселок «Боусдорп», в благодарность доктору Боу [5, с. 256]. Это название до сих пор можно найти на картах Намакваленда.

Отец в 1868 г. оставил свою должность, вероятно, по болезни. Когда Аллан был еще подростком, отец скончался. Мать с детьми уехала в Кейптаун, но вскоре тоже умерла. Унаследовав лишь несколько акций и предметов мебели, осиротевший Аллан и пятеро его братьев и сестер остались без средств к существованию [6, с. 118]. Их приняли родственники в Англии, куда они переехали в начале 1870-х годов. Возможно, Аллан и его братья были отданы в школу-интернат.

В возрасте 22 лет Боу запросил британский заграничный паспорт и отправился к другим членам семьи в Швейцарию [7, с. 14; 9, с. 46]. Вероятно, там он выучил немецкий язык, на котором впоследствии общался с К. Фаберже.

В 1880-е годы А. Боу жил в Москве. Его принял на работу двоюродный дядя, Джеймс Стюарт Шанкс [7, с. 15]. Выпускник Лейденского университета, Шанкс уже около 30 лет занимался в Москве торговлей.

Деловым партнером Шанкса был Генрик-Конрад Болин, младший брат придворного ювелира российского императора. В Петербурге шведская династия ювелиров Болин создавала тиары, диадемы и другие инкрустированные бриллиантами, жемчугом, рубинами и аметистами украшения для столичной аристократии. А в Москве было много серебряных дел мастеров, и поэтому Г.-К. Болин сосредоточился на работе с этим материалом. На Кузнецком мосту фирма «Шанкс и Болин» открыла «Английский магазин» (*Magasin Anglais*). Состоятельным клиентам предлагались серебряные ювелирные изделия, а также английский мануфактурный и галантерейный товар. Болину удалось наладить производство серебряных изделий в московских мастерских не только для своего дела, но и для магазина старшего брата в столице [7, с. 66].

В первые годы предприятие Шанкса и Болина не сталкивалось с серьезной конкуренцией в области сбыта ювелирных и серебряных изделий, но затем в Москве откры-

лись магазины Овчинникова, Хлебникова, Курлюкова и Лорие [11, с. 194]. Некоторые из них тоже работали на Кузнецком мосту и обладали собственным производством. Тем не менее, дело Шанкса и Болина процветало. Когда А. Боу работал в этой фирме, Шанкс владел особняком с бальным залом на Покровке, а семья летом выезжала на большую дачу в Филях. Дети Шанкса участвовали в культурной жизни Москвы: Эмилия состояла в объединении передвижников, Мария иллюстрировала книги Л.Н. Толстого, а Луиза переводила произведения писателя на английский язык.

Партнер ювелира Романовых

Пока не обнаружено документов о характере работы Боу у Шанкса и Болина. Архив фирмы не дошел до наших дней. Не сохранилось и семейных преданий об этом периоде жизни Боу. Однако судя по его дальнейшей деятельности, Боу имел отношение к производству и продаже серебряных изделий, которыми заведовал Болин.

Специализацией петербургских представителей династии Болин считались оправы для драгоценных камней, а московская фирма славилась оправками для керамики, фарфора, фаянса, резного стекла и хрусталя. Из Европы доставляли сервизы, вазы, кувшины и другие емкости престижных марок, и под руководством Болина московские мастера украшали их серебром. По мнению специалистов, сохранившиеся образцы изделий с клеймом «*Shanks & Bolin*» свидетельствуют о «высоком качестве продукции, оригинальном дизайне и ярком своеобразном художественном почерке фирмы» [12, с. 104].

Первые переговоры между Боу и Фаберже состоялись в 1886 г. в поезде, следовавшем из Москвы в Париж [10, с. 1–2]. К.Г. Фаберже был на десять лет старше южноафриканского сотрудника «Шанкс и Болин» и уже тридцать лет участвовал в своем семейном деле. Он удостоился званий поставщика золотых, серебряных и бриллиантовых изделий и оценщика ювелирных изделий при императорском дворе, в том числе благодаря созданию уникальных пасхальных яиц, с которыми его имя ассоциируется до сих пор. Первое такое яйцо его фирма выполнила за год до встречи Фаберже с Боу.

Фаберже не изготавливал ювелирные изделия сам, но профессионально разбирался в ювелирном деле и обеспечивал мастерам условия для создания шедевров. Кроме того, он устанавливал критерии оценки художественной ценности изделий, производившихся его фирмой. Фаберже использовал положение при дворе, чтобы повлиять на предпочтения столичной публики. Утверждая, что красота изделия важнее стоимости материала, Фаберже часто предпочитал драгоценным камням тщательно подобранные поделочные, даже при выполнении заказов Александра III и Николая II: двенадцать из пятидесяти императорских пасхальных яиц созданы из поделочных камней [13, с. 15].

Во время переговоров с Боу Карл Густавович мог рассматривать в качестве основного конкурента петербургский ювелирный дом Болина, который по заказу императорской семьи создал знаменитые диадемы и тиары, а также Императорскую венчальную корону. Болина ценили прежде всего за крупные украшения с драгоценными камнями в классическом стиле, а Фаберже прославился благодаря фантазийным произведениям декоративно-прикладного искусства [10, с. 60]. Представители династии Болин, занимавшиеся ювелирным делом с конца XVIII века, воспринимали Фаберже как удачливую новичку.

На момент встречи с Фаберже Боу прожил в России около десяти лет. Молодой южноафриканец выучил русский язык и познакомился с особенностями российского ювелирного дела, работая в фирме, принадлежавшей брату главного соперника Фаберже. Если Карл Густавович собирался открыть филиал в Москве, он был заинтересован в специалисте, знающем местные условия и имеющем связи с московскими мастерами. Возможно, Фаберже привлекал и опыт «Шанкс и Болин» в изготовлении и сбыте сереб-

рных изделий. Кроме того, он мог быть заинтересован в возможностях Боу вести переговоры в Великобритании о закупке стерлингового английского серебра, считавшегося лучшим в мире, и обработанных алмазов из вновь открытых южноафриканских месторождений².

У Фаберже не было собственной системы обучения персонала: он предпочитал «перекупать» специалистов у конкурентов. Возможно, поэтому он предложил открыть московское представительство не своему сотруднику, а предприимчивому британскому подданному, работавшему на семью Болин, которую фирме Фаберже предстояло опередить по объемам сбыта и прибыльности как в Петербурге, так и в Москве.

Во главе московского филиала Фаберже

В 1887 г. Фаберже основывает представительство своей фирмы в Москве вместе с Боу в качестве совладельца. Поскольку Фаберже постоянно проживал в столице, Боу заведовал всеми делами московского отделения: от найма сотрудников и приобретения материалов до страхования имущества и заключения договоров аренды [14, с. 7].

Если в Петербурге работы распределялись по разным мастерским, то в Москве под руководством Боу производство было централизовано. В Большом Кисельном переулке открылась фабрика Фаберже, которая вскоре станет самым большим ювелирным производством в России. В Москве у фирмы «К. Фаберже» было около трехсот сотрудников, в три раза больше, чем в Петербурге. Наиболее престижные и трудоемкие изделия, включая заказы от императорского двора, выполнялись в столице: квалификация петербургских ювелиров Фаберже, работавших с золотом и драгоценными камнями, была выше, чем у московских. Тем не менее, московское производство было для фирмы доходнее петербургского [15, с. 138].

По мнению главного мастера «К. Фаберже», серебряное производство на московской фабрике было организовано масштабнее и эффективнее, чем в столичных мастерских фирмы. Серебряные вещи под маркой Фаберже из Москвы превосходили петербургские и по художественным качествам: «Первое, что отличает московские изделия фирмы от петербургских, – это преобладание русского народного стиля. .... В большинстве случаев это братины, жбаны, ковши, ларцы, декоративные вазы и т. п. .... Наряду с этими работами московская фабрика выпускала большое количество столового серебра, которое по своим достоинствам соответствовало лучшим заграничным работам. .... Значительную роль в производстве играло церковное серебро – как утварь, так и образа. Многие из этих произведений благодаря художественным достоинствам находили даже сбыт за границей и привлекали оттуда заказы» [16, с. 19, 21–22].

На Кузнецком мосту компаньоны открыли фирменный салон по продаже изделий Фаберже. В магазине не продавали готовые ювелирные изделия, потому что тиражирование не допускалось. Боу считал, что украшения с драгоценными камнями под маркой Фаберже – это штучный товар, и на его московской фабрике работали преимущественно по частным заказам [16, с. 545].

Словно бросая вызов двоюродному дяде и бывшему работодателю, Боу выбрал помещение для своего салона напротив «Английского магазина». Вскоре после того, как Боу стал деловым партнером Фаберже, Г.-К. Болин умер, и Шанкс открыл собственный торговый дом. Ювелирное подразделение перешло к представителям московской и петербургской ветвей семьи Болин, которые сохранили производство серебряных изделий и открыли магазин под своей маркой также на Кузнецком мосту [10, с. 74]. Болины по-прежнему изготавливали крупные украшения для российского императорского дома. Но, даже объединившись со своей московской фирмой, они не устояли перед натиском

² Сообщено В.В. Скурловым автору, 11 августа 2020 г.

«К. Фаберже», которая превзошла их по объему производства и, вероятно, по объему продаж [10, с. 58].

За годы сотрудничества с Боу фирма Фаберже превратилась в крупнейшее предприятие по изготовлению и сбыту ювелирных изделий в России. Если в 1882 г. в компании было до 20 сотрудников, то в 1896 г., после начала сотрудничества Фаберже и Боу, там трудилось почти 500 человек [16, с. 141]. Боу не только работал в Москве, но и посещал другие российские города для реализации продукции Фаберже. В 1900 г. открылся одесский филиал с магазином и мастерской на Дерибасовской, и Боу стал по совместительству его первым управляющим.

«Мой товарищ Аллан Андреевич Бо, – писал К.Г. Фаберже о своем компаньоне, – является моим помощником и главным строителем – зарекомендовал себя в течение всех 14 лет при заведывании всеми моими делами по московской фабрике и отделению в Москве и Одессе» [17, с. 216].

Боу открывает Фаберже для Англии

Поставки за рубеж начались в последние десятилетия предыдущего века, как следствие успеха фирмы в России, а также побед на европейских выставках. Благодаря международному признанию, Фаберже был назначен придворным поставщиком шведского короля, а также удостоен французского ордена Почетного легиона [18, с. 280].

В 1900-е годы фирма «К. Фаберже» активно развивала экспорт. Для учреждения заграничного представительства был выбран Лондон. Британская аристократия была знакома с работами Фаберже, ведь королевская семья в Лондоне была связана тесными родственными узами с монаршей семьей в Петербурге. Королева Виктория приобрела украшения Фаберже в 1897 г., а королева Александра, коллекционировала изделия фирмы еще с 1880-х годов, когда получила их в подарок от сестры, супруги Александра III. Из Лондона фирма поддерживала отношения с клиентами в Европе и по всему миру. Лондонский филиал отправлял заказы индийским махараджам, королю Сиам и американским магнатам.

Представители «К. Фаберже» привозили продукцию своей фирмы в Лондон и до открытия филиала, а в 1903 г. Боу как британский поданный учредил в Лондоне постоянное представительство фирмы. Первым управляющим стал его брат Артур, который до этого работал в московском отделении, а также торговал продукцией фирмы в других городах России. Братья Боу вели дела британского отделения самостоятельно, и Фаберже не посещал Лондон в это время. Фирменный магазин, открывшийся на Оксфорд-стрит, был зарегистрирован, вероятно, на имя Артура Боу в качестве представителя «К. Фаберже», но принадлежал в равных долях К.Г. Фаберже и Аллану Боу [17, с. 529; 8, с. 25–26]. Среди клиентов с первых лет были наследник престола, будущий король Георг V, королева Александра, а также Алиса Кешпел, фаворитка Эдуарда VII.

Изделия Фаберже из поделочных камней стали «социальной валютой» британского высшего света, поскольку, не будучи драгоценностями, они считались ни к чему не обязывающим подарком. Такие сувениры преподносили на дни рождения, свадьбы и другие праздники, а также без повода, в качестве «приятной мелочи» [8, с. 15, 17]. В лондонском магазине Фаберже предлагались не только фантазийные работы из самоцветов, но и портсигары, бонбоньерки, булавки, ручки для хлыста и эмалированные колокольчики для собак.

В 1905 г. из-за волнений в России московское отделение понесло большие убытки. После того, как Боу отказался ввести на предприятии 9-часовой рабочий день и увеличить зарплаты, сотрудники и рабочие присоединились к забастовке ювелиров, и новые

заказы не могли быть выполнены в срок³. Боу и Фаберже вынуждены были закрыть фабрику в Москве и сократить персонал.

Одновременно с политической обстановкой ухудшались отношения между Боу и детьми К.Г. Фаберже. Судя по личным письмам Боу, сын Фаберже, Агафон, стремился установить полный контроль над московским филиалом [8, с. 28]. Во избежание конфликта Боу предложил владельцу фирмы свою долю в семейном деле Фаберже в России. «Мы давно это предвидели, как ты знаешь, – сообщал Боу в письме брату, – но до сих пор откладывали ради нашего старого друга Карла»⁴. Фаберже согласился приобрести долю Аллана. «Я скоро передам все свои дела сыновьям и не думаю, что вы с ними сработаетесь», – писал Карл Густавович Аллану [8, с. 29]. Оба компаньона намеревались расстаться «как старые друзья и джентльмены»⁵.

Весной 1906 г. договор между Боу и Фаберже о создании торгового дома «К. Фаберже. Москва», в котором они состояли равноправными партнерами, был расторгнут. О доброжелательности московских сотрудников к бывшему руководителю свидетельствует то, что, в разгар Первой русской революции, рабочие преподнесли Боу на прощание иллюстрированное торжественное послание, выполненное каллиграфическим почерком и оформленное в неорусском стиле. В этом документе, который в доме Боу был вывешен на почетном месте, сообщалось, что руководитель московского отделения постоянно заботился о благосостоянии сотрудников и их семей.

«Благодаря Вам улучшилось материальное положение не только наше, но и других рабочих, так как Вашему примеру об увеличении заработка последовали и на других фабриках, – писали рабочие фирмы Фаберже. – Строгий и требовательный к исполнению данных Вами приказаний, Вы наряду с этим всегда были справедливы. С грустью расставаясь с Вами, мы всегда будем помнить все то, что Вы для нас сделали, а теперь, принося Вам нашу искреннюю благодарность, говорим Вам за все наше русское „спасибо“»⁶.

Разрыв с Фаберже

Договор с Фаберже определял не только порядок расторжения партнерства в России, но и принадлежность лондонского филиала. Московское и одесское отделения передавались Фаберже, а Боу с июля 1906 г. становился единоличным владельцем магазина и конторы в британской столице.⁷

Он собирался оставить за собой звание единственного представителя Фаберже в Англии: «Все вещи до единой, которые Ф. отправляет в Лондон, будут идти через меня»⁸. На бланке лондонской конторы Боу и в оформлении магазина по-прежнему присутствовало название фирмы «К. Фаберже», но из-за перебоев с поставками он не мог пополнять ассортимент изделий этой фирмы и выполнять обязательства перед заказчиками. Зная, что К.Г. Фаберже испытывал финансовые трудности в связи с кризисом в России, Боу стал искать покупателя для своего магазина. Им стал ювелирный дом *Lacloche Frères*.

Сделка с прямыми конкурентами российской фирмы была совершена Боу без ведома Фаберже. Вместе с магазином он передал в собственность *Lacloche Frères* сотни дизайн-проектов изделий, которые оставались по договоренности между Боу и Фаберже в

³ Письмо А. Боу к Артуру Боу от 8 (21) октября 1905 г. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2, ч. 1. Д. 515. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Письмо А. Боу к Артуру Боу от 04.02.1906. Там же. Л. 10.

⁶ Фото документа предоставлено автору статьи У. Бонус, правнучкой А. Боу.

⁷ Письмо А. Боу к Артуру Боу от 21 февраля (6 марта) 1906 г. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2, ч. 1. Д. 515. Л. 11; Письмо А. Тута к А. Боу, 22.10.1908. Там же. Д. 507. Л. 13.

⁸ Письмо А. Боу к Артуру Боу от 25 февраля (10 марта) 1906 г. Там же. Л. 14.

распоряжении лондонской фирмы, но которые владелец петербургского ювелирного дома считал своей личной собственностью⁹. В письме к Боу «бывший старый друг и компаньон» упрекал его за действия, которые считал оскорбительными и эгоистичными. «Вместо того, чтобы сделать первое предложение о продаже мне, производителю продаваемых вами товаров, вы *продали* меня в прямом смысле слова, – заявлял Фаберже. – Ваши действия настолько возмутительны, что я, со своей стороны, считаю себя обязанным пренебречь вами и заявить раз и навсегда, что прекращаю отношения с вами. Поэтому я не собираюсь отвечать вам и прошу в будущем никогда не посещать мою фирму» [19, с. 529]¹⁰.

Боу по-прежнему считал, что Фаберже не смог бы приобрести лондонскую компанию, но в письме брату допустил, что мог недооценить возможности бывшего компаньона: «Если бы это было правдой, то, конечно, жаль, что [магазин] не достался ему. Я потерял бы [так в тексте] меньше денег и сохранил бы добрые отношения со старым другом! Он отказывается забрать товары, которые мы вернули из Лондона, и несомненно сделает еще много такого. Что ж, наверное, ничего тут не поделаешь. Проживу и без его дружбы! И все-таки жаль, что случился такой разрыв»¹¹.

Судя по этому письму и другим личным посланиям, Боу считал сделку с *Lacloche Frères* недостаточно выгодной для себя. В последующие месяцы он сетовал на постоянную необходимость нести расходы в связи со своим бывшим лондонским делом. Боу утверждал даже, что потерял треть своего капитала, и ему приходится экономить¹².

Фаберже подал иск к *Lacloche Frères*. Он заявил, что Боу на момент совершения сделки не имел прав на марку «К. Фаберже», а значит, новые владельцы также не имели права на нее, а также на репутацию и клиентуру ранее существовавшего лондонского отделения российской фирмы. После двухлетней тяжбы Фаберже и *Lacloche Frères* достигли компромисса и уладили дело во внесудебном порядке¹³. Новые хозяева лондонского магазина отказались от использования марки «Фаберже» в его названии.

Российский ювелирный дом открыл в Лондоне новый фирменный магазин. Руководить британским отделением было поручено Г.Ч. Бэйнбриджу, ранее принятому туда на работу по рекомендации племянницы Аллана Боу. Бэйнбридж взял на себя должность управляющего по совету своего предшественника Артура Боу, заведующего делами фирмы в Лондоне совместно с младшим сыном Карла Густавовича, Николаем.

Эти события не сказались на расположении высших классов британского общества к фирме Фаберже. Лондонское отделение успешно работало вплоть до Февральской революции, после чего принадлежащие ему товары были приобретены все теми же *Lacloche Frères*.

Возвращение в Россию

Переживания Боу в связи с конфликтом с Фаберже привели к нервному срыву. Переезд в тихую сельскую местность в Англии не восстановил его душевное равновесие. По совету врачей Боу вернулся к активной деятельности и приехал в Москву вместе с семьей [10, с. 46–47].

В России его самочувствие улучшилось. Уже в 1906 г. он занялся торговлей драгоценными камнями в помещении на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка

⁹ Сообщено В.В. Скурловым автору, 11 августа 2020 г. Также см. письмо А. Боу к Артуру Боу, февраль (?) 1906 г. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2, ч. 1. Д. 515. Л. 26.

¹⁰ Письмо К.Г. Фаберже написано на немецком языке. Цитируется в переводе.

¹¹ Письмо А. Боу к Артуру Боу, 1 (14) июля 1906 г. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2, ч. 1. Д. 515. Л. 15.

¹² Письмо А. Боу к Артуру Боу, 1 (14) июля 1906 г. Там же. Л. 22.

¹³ Письма А. Тута к А. Боу, 16.12.1908 и 01.02.1909. Там же. Д. 507. Л. 15-16.

ка. Через несколько лет на Кузнецком мосту открылся его магазин антикварных и редких вещей [11, с. 162]. А с 1913 г. в квартале от магазина Фаберже работала Техническая контора драгоценных камней, принадлежащая Боу [16, с. 116]. Также он вновь включился в жизнь местной английской общины: в начале 1910-х гг. Боу состоял вице-президентом Британского клуба спорта, одной из крупнейших спортивных организаций Москвы, и входил в Комитет для благоустройства кладбища иноверческих исповеданий (теперь оно называется «Введенским») [21, с. 32].

Вероятно, с началом Первой мировой войны финансовое положение Боу ухудшилось из-за падения спроса на драгоценные камни. Весной 1915 г. семья покинула Москву и переехала в Англию, теперь уже навсегда.

Жена Аллана, уроженка России из семьи англо-французского происхождения, с трудом привыкала к жизни в чужой стране. Дочь тоже скучала по родине. «Это довольно странно: Англия – моя страна, и я ее очень-очень люблю и готова на все ради нее, – записала она в дневнике. – Вообще, я не очень-то люблю Россию, но все же Россия – Москва – это мой дом, и я тоскую по России, а не по Англии» [10, с. 91–92].

Боу побывал в России еще дважды. В 1916 г. он отправился в Москву и Одессу по делам, возможно, связанным с его инвестициями в российские предприятия. А в начале 1917 г. сопровождал в поездке депутатов парламента от Лейбористской партии. По воспоминаниям дочери, Боу вернулся в угнетенном состоянии незадолго до Февральской революции [10, с. 106–107]. В последующие годы он много ездил по странам Средиземноморья, вел дела с русскими беженцами в Турции и на Кипре, помогал продать вывезенные ими драгоценности, чтобы они могли переехать в Западную Европу, а иногда даже давал им ссуды. В семейном архиве Боу сохранились письма того периода от великой княгини Марии Павловны, невестки Александра II, с благодарностью за содействие в продаже ее украшений.

После смерти жены Боу доживал свои дни в приморском городке к востоку от Лондона. Он называл свой последний дом по-русски, «дача». Аллан Боу умер в 1939 г., почти на два десятилетия пережив своего бывшего компаньона, К.Г. Фаберже. После революций и Гражданской войны его российские инвестиции обесценились. Боу подал иск против советского правительства на 200 000 фунтов стерлингов, но лишь в 1990-е годы наследники получили несколько тысяч долларов в виде компенсации [10, с. 109–110]. В конце жизни Боу обеспечивал себя за счет небольшой государственной пенсии по старости, а также продажи камней и украшений, которые ему удалось привезти из России.

Но даже в стесненном материальном положении Боу не захотел расстаться с вещами, напоминавшими ему о Москве. Помимо прощального послания от рабочих фабрики, он сохранил большой серебряный поднос, преподнесенный сотрудниками московского отделения фирмы Фаберже, а также каминные часы и предметы из серебра в русском стиле, подаренные на его свадьбу. Сберег он и русскую икону, которая после его смерти висела дома у дочери в красном углу комнаты.

Боу хотел поехать в Южную Африку, но для этого требовалось продолжительное морское путешествие, против которого возражала жена [10, с. 44]. Вероятно, он больше не посещал свою родину, хотя семья поддерживала связи с ней¹⁴. Южная Африка, оставаясь вне сферы его деловых интересов, присутствовала в его жизни. Одним из важных клиентов Боу в Лондоне была семья сэра Джулиуса Уэрнера, владельца южноафриканских горнодобывающих предприятий. Кроме того, мастера Фаберже изготовили по заказу графини Дадли, супруги командира Вустерского королевского гусарского полка, цветок груши из чеканного золота с нефритом и бриллиантами – в память о возвращении этой воинской части с англо-бурской войны [23, с. 212; 24, 194–195].

¹⁴ См. письмо А. Боу от 14.07.1906. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2, ч. 1. Д. 515. Л. 15.

В Южной Африке на аукционах иногда предлагаются произведения фирмы «К. Фаберже», в том числе изделия из серебра, возможно, произведенные на московской фабрике под началом Аллана Боу [22, с. 37].

Выводы

Можно предположить, что А. Боу был первым южноафриканцем, долго и эффективно занимавшимся предпринимательством в России. Он способствовал становлению крупнейшего ювелирного предприятия России, а также наладил экспорт продукции К.Г. Фаберже и ее реализацию через принадлежащий ему лондонский филиал. Международный успех этой фирмы с конца 1880-х до начала 1900-х нельзя объяснить лишь «тонким художественным вкусом и поразительной энергией Карла Фаберже» [15, с. 19]. Это также результат работы его компаньона, А. Боу.

Первоначальный приезд Боу в Россию был вызван случайными обстоятельствами, но он смог адаптироваться в стране настолько, что вернулся в Москву даже после завершения партнерства с Фаберже и еще десять лет занимался там предпринимательством. Боу создал крупнейшую фабрику серебряных и ювелирных изделий в России, и даже в годы Первой русской революции, после того, как ему пришлось остановить производство и уволить персонал, рабочие отзывались о нем как о справедливом и прогрессивном руководителе.

Представляется, что имя А. Боу, проработавшего в Москве более трети своей жизни, должно занять почетное место в истории российско-южноафриканских связей. Поскольку Боу, возможно, является первым предпринимателем с юга Африки, успешно работавшим в нашей стране, можно предположить, что южноафриканские деловые связи с Россией начали устанавливаться не позднее 1880-х гг.

Источники

1. Davidson A.B. *Russia and South Africa before the Soviet Era. Working Paper*. Moscow. Higher School of Economics. 2013. 39 с.
2. *Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в.–1960 г.* М., ИВИ РАН. 1999. Том I. 285 с.; том II. 397 с.
3. Давидсон А.Б. Филатова И.И. *Россия и Южная Африка: три века связей*. М., Высшая школа экономики. 2010. 330 с.
4. Горелик Б.М. *Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня*. М., Институт Африки РАН. 2007. 255 с.
5. Langham-Carter R.R. Some light on the mystery of Allan Bowe. *Quarterly Bulletin of the South African Library*. 1970, т. 24, № 4, с. 255–257.
6. Langham-Carter R.R. The mystery of Allan Bowe, jeweller. *Quarterly Bulletin of the South African Library*. 1969, т. 23, № 4, с. 118–121.
7. Bonus W. *The Faberge Connection: A Memoir of the Bowe Family*. New York; Bloomington. iUniverse. 2010. 133 с.
8. McCarthy K. *Fabergé in London: The British Branch of the Imperial Russian Goldsmith*. Woodbridge, Suffolk. ACC Art Books. 2017. 240 с.
9. Gundry M. Henry Allan Talbot Bowe and the Faberge connection. *Familia: Quarterly Journal of the Genealogical Society of South Africa*. 2015, т. 52, № 3, с. 42–53.
10. Риббинг М. Мунтян Т. Скурлов В. Завадская Л. *Драгоценности & серебро. В.А. Болин – 200 лет*. Вестерос. В.А. Болин. 2000. 231 с.
11. Мунтян Т.Н. *Фаберже. Великие ювелиры России. Сокровища Оружейной палаты*. М., Красная площадь. 2000. 207 с.
12. Мунтян Т. Шанкс, Болин и Линке. Московские имена. *Болин в России. Придворный ювелир конца XIX – начала XX веков. Каталог выставки в Музеях Московского Кремля*. М., Новый Эрмитаж-один. 2001, с. 103–110.

13. Мунтян Т. Самоцветные богатства России. Фаберже и Денисов-Уральский. *Карл Фаберже и мастера камнерезного дела. Самоцветные сокровища России*. М., Московский Кремль. 2011, с. 15–51.
14. *Неизвестный Фаберже. Проекты и изделия фирмы «Фаберже» из музейных и частных коллекций*. М., Московская школа акварели Сергея Андрияки; Русский антиквариат. 2003. 127 с.
15. *Фаберже. Ювелир Романовых*. М., 2006. 224 с.
16. Фаберже Т.Ф. Горыня А.С. Скурлов В.В. *Фаберже и петербургские ювелиры: Сборник мемуаров, статей, архивных документов по истории русского ювелирного искусства*. СПб, Нева. 1997. 703 с.
17. Скурлов В. Одесское отделение фирмы «Карл Фаберже». *Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах*. Кн. 28. Одесса. Печатный дом. 2007, с. 213–221.
18. *Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов*. 2-е изд. Том 2. СПб, Э. Верн. 1905. 1980 с.
19. Fabergé T.F. Kohler E.-A. Skurlov V.V. *Fabergé: A Comprehensive Reference Book*. Genève: Éditions Slatkine. 2012. 613 с.
20. Сорокин В.В. *По Москве исторической*. М., Издательский Дом ТОНЧУ. 2006. 458 с.
21. Савин А.В. *Москва футбольная. Полная история в лицах, событиях, цифрах и фактах*. М., Спорт. 2016. 789 с.
22. Godfrey D. *Antiques and Bygones: Notes for South African Collectors*. Cape Town. Timmins. 1967. 123 с.
23. Trevelyan R. *Grand Dukes and Diamonds: The Wernhers of Luton Hoo*. London. Seeker & Warburg. 1991. 472 с.
24. Munn G.C. *Wartski: The First One Hundred and Fifty Years*. Woodbridge. Antique Collectors' Club. 2015. 287 с.

ON THE EMERGENCE OF RUSSIAN-SOUTH AFRICAN BUSINESS LINKS. ALLAN BOWE, FABERGE'S BUSINESS PARTNER

© 2020 B.M. Gorelik

GORELİK Boris Moiseyevich, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 123001, Moscow, 30/1 Spiridonovka St, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. *Allan Bowe, a Cape-born entrepreneur in the Russian Empire, has not been mentioned in literature on the history of Russian-South African contacts. However, his long business partnership with Carl Fabergé should be considered in this context, primarily because it took place when Russia and the territories that are now part of South Africa, apparently, had no trade relations yet.*

Henry Allan Talbot Bowe, known in Russia as "Allan Andreyevich Bo", can be rightfully regarded as a South African. He spent his childhood and youth in the Cape Colony, mostly in Namaqualand, a region dominated by native speakers of languages that had originated in Africa.

Contrary to the established notion that "the exquisite artistic taste and amazing energy of Carl Fabergé" were the main reason for the international success of this business, it owed much to the work of his companion, A. Bowe. The latter contributed to the development of the largest jewellery company in the Russian Empire and its international reputation in the 1880s–1890s. As a founder and co-owner of the Fabergé Moscow branch, he organised and managed the largest jewellery factory in the country.

Bowe also expanded the company's presence abroad by establishing the London branch (as a joint owner with Fabergé) and building up clientele securing orders for bespoke jewellery pieces in Europe, Southeast Asia and North America.

The first arrival of Bowe in Russia was almost accidental, but he became deeply involved in the business life of Moscow – so much so that he returned to that city after he had dissolved his partnership with Fabergé.

Being possibly the first successful South African-born entrepreneur in Russia, he deserves a prominent place in the history of relations between our countries. It implies that the emergence of Russian-South African business links can be traced to the 1880s, when Bowe started his business in Moscow.

Keywords: *Russian-South African trade, South African entrepreneurs in Russia, Allan Bowe, Carl Fabergé, W.A. Bolin, Shanks & Bolin, jewellery firms of the Russian Empire*

DOI: 10.31132 / 2412-5717-2020-53-4-129-141

References

Bonus W. *The Faberge Connection: A Memoir of the Bowe Family*. New York; Bloomington. iUniverse. 2010. 133 p.

Davidson A.B. *Russia and South Africa before the Soviet Era. Working Paper*. Moscow. Higher School of Economics. 2013. 39 p.

Davidson A.B. *Filatova I.I. Rossiya i Yuzhnaya Afrika: tri veka svyazei (Russia and South Africa: Three Centuries of Contact)*. Moscow. Vysshaya shkola ekonomiki. 2010. 330 p.

Gorelik B.M. *Rossiiskaya immigratsiya v Yuzhnyu Afriku: vchera i segodnya (The Past and Current Russian Immigration to South Africa)*. Moscow. Institut Afriki RAN. 2007. 255 p.

Fabergé T.F. Kohler E.-A. Skurlov V.V. *Fabergé: A Comprehensive Reference Book*. Genève: Éditions Slatkine. 2012. 613 p.

Fabergé T.F. Gorynya A.S. Skurlov V.V. *Fabergé i peterburgskie yuveliry: Sbornik memuarov, statei, arkhivnykh dokumentov po istorii russkogo yuvelirnogo iskusstva (Fabergé and Saint*

Petersburg Jewellers. A Collection of Memoirs, Essays and Archival Documents on the History of Russian Jewellery Art). Sankt-Peterburg. Neva. 1997. 703 p.

Fabерже. Ювелир Романовыч (Fabergé. A Jeweller to the Romanovs). M. 2006. 224 p.

Godfrey D. *Antiques and Bygones: Notes for South African Collectors*. Cape Town. Timmins. 1967. 123 p.

Gundry M. Henry Allan Talbot Bowe and the Faberge connection. *Familia: Quarterly Journal of the Genealogical Society of South Africa*. 2015, vol. 52, No 3, pp. 42–53.

Langham-Carter R.R. Some light on the mystery of Allan Bowe. *Quarterly Bulletin of the South African Library*. 1970, vol. 24, No 4, pp. 255–257.

Langham-Carter R.R. The mystery of Allan Bowe, jeweller. *Quarterly Bulletin of the South African Library*. 1969, vol. 23, No 4, pp. 118–121.

McCarthy K. *Fabergé in London: The British Branch of the Imperial Russian Goldsmith*. Woodbridge, Suffolk. ACC Art Books. 2017. 240 p.

Munn G.C. *Wartski: The First One Hundred and Fifty Years*. Woodbridge. Antique Collectors' Club. 2015. 287 p.

Muntyan T. *Samotsvetnye bogatstva Rossii. Fabерже i Denisov-Ural'skii (Hardstone Riches of Russia. Fabergé and Denisov-Uralski). Karl Fabерже i мастера камнерезного дела. Samotsvetnye sokrovishcha Rossii (Carl Fabergé and Russian Master Lapidaries. Hardstone Treasures of Russia)*. Moscow. Moskovskii Kreml. 2011. pp. 15–51.

Muntyan T. *Shanks, Bolin i Linke. Moskovskie imena (Shanks, Bolin and Linke. Moscow Personalities). Bolin v Rossii. Pridvornyi yuvelir kontsa XIX–nachala XX vekov. Katalog vystavki v Muzeyakh Moskovskogo Kremlya (Bolin in Russia. A Court Jeweller of the Late 19th–Early 20th Centuries. The Catalogue of an Exhibition at the Moscow Kremlin)*. Moscow. Novyi Ermitazh-odin. 2001, pp. 103–110.

Muntyan T.N. *Fabерже. Velikie yuveliry Rossii. Sokrovishcha Oruzheinoi palaty (Fabergé. Great Jewellers of Russia. Treasures of the Armoury)*. Moscow. Krasnaya ploshchad'. 2000. 207 p.

Neizvestnyi Fabерже. *Proekty i izdeliya firmy Fabерже iz muzeinykh i chastnykh kolleksii (Unknown Fabergé. Fabergé Designs and Items from Museums and Private Collections)*. Moscow. Moskovskaya shkola akvareli Sergeya Andriyaki; Russkii antikvariat. 2003. 127 p.

Ribbing M. Muntyan T. Skurlov V. Zavadsкая L. *Dragotsennosti & srebro. V.A. Bolin – 200 let (Jewellery & Silver. V.A. Bolin – 200 Years)*. Vesteros. V.A. Bolin. 2000. 231 p.

Rossiia i Afrika. *Dokumenty i materialy. XVIII v.–1960 g. (Russia and Africa. Documents and Materials. 18th Century to 1960)* Moscow. IVI RAN. 1999, vol. I. 285 p.; vol. II. 397 p.

Trevelyan R. *Grand Dukes and Diamonds: The Wernhers of Luton Hoo*. London. Seeker & Warburg. 1991. 472 p.

Savin A.V. *Moskva futbol'naya. Polnaya istoriya v litsakh, sobyitiyakh, tsifrakh i faktakh (A Football Moscow. A Comprehensive History in Biographies, Events, Data and Facts)*. Moscow. Sport. 2016. 789 p.

Skurlov V. Odesskoe otdelenie firmy Karl Fabерже (The Odessa Branch of the Firm Carl Fabergé). *Deribasovskaya–Rishel'evskaya: Odesskii al'manakh (Deribasovskaya- Rishelyevskaya: An Odessa Almanac)*, vol. 28. Odessa. Pechatnyi dom. 2007, pp. 213–221.

Sorokin V.V. *Po Moskve istoricheskoi (Through the Historic Moscow)*. Moscow. Izdatel'skii Dom TONChU. 2006. 458 p.

Ukazatel deistvuyushchikh v Imperii aktsionernykh predpriyatii i torgovykh domov (A Directory of the Joint-Stock Companies and Trading Companies of the Russian Empire). 2nd ed, vol 2. Sankt-Peterburg. E. Vern. 1905. 1980 p.